

Протоиерей доктор Владимир МОШИН

НОВГОРОДСКИЕ ЛИСТКИ — ОСТАТОК КОДЕКСА ЦАРЯ САМУИЛА И ИХ ЭФФОНЕТИЧЕСКАЯ ПОТАЦИЯ

Новгородские листки — два пергаментных листа большого формата (1-й л. — 34,5×28,5 см; 2-й л. — длиной 26 см из-за срезанных полей), хранящиеся в Ленинградской Публичной библиотеке, которая их выкупила в 1865 году у русского археолога И. К. Куприянова. В том же году академик А. Ф. Бычков опубликовал их в «Известиях Русского археологического общества», а три года спустя И. И. Срезневский осуществил их новое научное издание в своем сборнике «Древние славянские памятники юсового письма» с параллельными вариантами трех древнейших сохранившихся апракосных Евангелий: Остромирова 1056—1057 годов, глаголического Ассеманова, или Ватиканского, Евангелия и из Саввиной книги, которая представляет собой кириллическую копию глаголического оригинала, и с кратким анализом языка и правописания. Это привело его к заключению, что этот памятник имеет очень древний текст македонского происхождения, чрезвычайно сходный с Остромировым Евангелием. Восемь лет спустя Ф. Миклошич в своей работе «*Altslovenische Formenlehre in Paradigmen*» остановился подробно на анализе правописания и языка этого текста и пришел к заключению, что этот текст языческого происхождения. Через десять лет этот вывод повторяет Видеман в «*Beiträge zur Altbulgarischen Conjugation*», 1886.

Между тем сходство этого текста с Остромировым Евангелием, особенно в употреблении окончания ТЬ в третьем лице единственного и множественного числа глагольных форм, приводит третьего издателя этого текста В. Ягича в его «Образцах языка церковнославянского» (1882, с. 50—51) к предположению, что рукопись могла иметь и русское происхождение. Следующий издатель Н. М. Каринский в своей «Хрестоматии по древне-церковно-славянскому и русскому языкам» (1-е издание — 1904, 2-е издание — 1907, с. 107—109) без специальной аргументации характеризует Новгородские листки как русский текст XI века, что повторяет с аргументацией затем в своих «Образцах письма древнейшего периода истории русской книги» (Ленинград, 1925, с. 11). Считая этот текст русским по происхождению, он упрекает П. А. Лаврова в том, что он в 1914 и 1915 годах воспроизвел его в своем «Альбоме южнославянского письма» как «образчик таких оригиналов, которые были распространены в восточной Болгарии». (П. А. Лавров ссылается на тот факт, что в Новгородских листках «нет примера смешения носовых» и что в них «влияние русского языка, по мнению Ф. Ф. Фортунатова, можно было бы предполагать лишь в форме БОЛІААШЕ вместо БОЛЪАШЕ» с констатацией «сличности письма»

этого памятника с Остромировым Евангелием и «симметричности, пропорциональности и изящества начертания» (Палеографическое обозрение, с. 44).)

Надо сказать, что и Ф. Ф. Фортунатов в отношении отмеченных аргументов о форме БОЛЪАШЕ далек от категоричности, указывая на аналогичные формы «неправильного образования ПРИХОДЪАХ [юс. б.] в Супрасльской рукописи вместо ПРИХОЖДААХ [юс. б.] (Ф. Ф. Фортунатов. «Старославянское ТЪ в 3-м лице», с. 41. См. статью Ф. В. Каминского о Новгородских листках в «Известиях Отделения русского языка и словесности», 1923, с. 286).

Что касается употребления ТЪ в окончаниях третьего лица единственного и множественного числа глагольных форм, которое привело В. Ягича к предположению о возможном русском происхождении Новгородских листков, то Фортунатов в упомянутой работе опровергает этот аргумент, подкрепляя свои доводы значительным числом примеров из древнейших южнославянских рукописей.

Наконец, все это повторил ученик Фортунатова Ф. В. Каминский в статье о Новгородских листках, посвященной памяти его покойного учителя, которая была опубликована в 1923 году в «Известиях Отделения русского языка и словесности», где автор повторяет констатацию Фортунатова об отсутствии каких-либо следов русского влияния в Новгородских листках, но без заключения о возвращении к первоначальному положению Срезневского о южнославянском происхождении этого памятника, вероятно, принимая во внимание авторитет Ф. Ф. Фортунатова в области русской славистики и особенно в области палеографии.

В разделе по палеографии Каминский в основном принимает вывод Срезневского о сходстве письма Новгородских листков с Остромировым Евангелием, подчеркивая специфичные формы буквы В с разделенными кружками, долгие хвостики букв Х, Р, Ц, ОУ, Ч с мелкой чашей, мелкие кружки в ерах, ерях и ятях, случаи архаичного правописания: отсутствие Щ (только ШТ), буквы «зело» и в словах, и как числа; отсутствие примеров смешения юсов и их вокализации; смешение твердых и мягких слогов, смешение ЯТЬ и Я и старославянской группы ТРЪТ с обычным южнославянским употреблением ер перед Р. В заключительных главах, посвященных лексике, синтаксису и словарю, возвращаясь к проблеме сходства Новгородских листков с Остромировым Евангелием, Каминский приводит множество примеров одинакового перевода греческого текста в обоих памятниках в противовес другим древнейшим евангельским текстам — Ассеманову, Саввиной книге, Мариинскому и Зографскому. Так, например, употребление дательного принадлежности О ОУСЪПЕНИИ СЪНОУ в отличие от употребления О ОУСЪПЕНИИ СЪНА в других текстах или перевод греческого неопределенного местоимения ТИС как ІЕДИНЬ, которое в Зографском и Ассемановом Евангелиях переводится как ЕТЕРЬ, а в Архангельском Евангелии НЪКТО, а также перевод винительного падежа причастия настоящего времени глаголом ИД [юс. б.] в отличие от ГРЕД [юс. б.] в остальных текстах. Это приводит нас к заключению о необходимости принять гипотезу Фортунатова о том, что Остромирово Евангелие и Новгородские листки созданы на основе одного и того же южнославянского образца.

В Каталоге пергаментных рукописей в Публичной библиотеке Е. Э. Гранстрем относит Новгородские листки к числу древнейших русских рукописей, ссылаясь на «Образцы» Каринского 1925 года, а также на исследования Каминского 1923 года.

Работая в последние два года над проблемой так называемой греческой экфонетической нотации (для выразительного чтения) в старославянских рукописях, которая сохранилась только в этих двух евангельских текстах, я неожиданно пришел к убеждению в верности вывода Срезневского о том, что Новгородские листки являются южнославянским текстом с македонской территории, но также и к заключению, что, судя по письму и правописанию, этот текст древнее Остромирова Евангелия, а тот факт, что первоначально Листки принадлежали Новгородской Софийской библиотеке, привел меня к мысли о необходимости тщательного их сопоставления с Остромировым Евангелием. Сравнительный анализ убедил меня в том, что Новгородские листки — остаток македонского царского Евангелия, которое во время Крещения Руси вместе с другими рукописями Самуил послал князю Владимиру в Россию, где оно попало в Новгород и в середине XI века послужило образцом для создания Остромирова Евангелия. Об этом я написал весьма обширное исследование для публикации в белградском издании «Археографски прилози», а здесь вкратце останавлиюсь на основных положениях моего открытия.

Первое, что мне кажется очевидным, — совершенная правильность вывода Срезневского о македонском происхождении Новгородских листков и большая древность их письма, языка и правописания в сравнении с Остромировым Евангелием; это обусловлено тем, что развитие старославянского языка шло разными путями в различных областях во время формирования отдельных славянских изводов.

Это в первую очередь упомянутый факт абсолютной правильности употребления носовых гласных звуков в отличие от Остромирова Евангелия и других русских рукописей, которые изобилуют случаями взаимного смешения юсов с чистыми гласными звуками согласно русскому произношению: [юс б.] как ОУ, [йотовый юс б.] как Ю, [юс. м] и [йотовый юс м.] как А или ІА или неправильного употребления юсов вместо этих гласных звуков. Правильное употребление юсов в Новгородских листках обусловлено фактом сохранения носовых звуков в некоторых южнославянских зонах в течение X века, например, в надписи хорватского князя Muntimirus'a, относящейся к концу IX века, в славянских именах у Константина Порфирогенита в середине X века, таких, как Монтципрос, Сфевтосд'авос, а также сохранения носовых звуков в словах pentek и sombota у венгров, которые переселились на земли паннонских славян в начале X века. В то же время уже в X веке у тех же южных славян произошла утрата носовых, которая хорошо отразилась и у русских заменой юсов буквами, обозначающими неносовые гласные.

Как показали открытия древнейших южнославянских эпиграфических памятников, еще в первой половине X века развивался процесс исчезновения палатальных согласных звуков, что привело к смешению твердых и мягких слогов, а также к смешению еров, в то время как русский язык сохраняет палатальные согласные звуки и в соответствии с этим в русских текстах древнейшего периода сохраняется правильное

употребление редуцированных гласных даже в слабой позиции. Так, в Новгородских листках много случаев смещения редуцированных гласных, в то время как в Остромировом Евангелии они передаются последовательно и различаются в соответствии с их русским восприятием.

О южнославянском происхождении этого памятника свидетельствует и форма творительного падежа, основа на О типа ГЛАСОМЪ ВЕЛИКОМЪ вместо ГЛАСОМЪ ВЕЛИКИМЪ, что наблюдается в Остромировом Евангелии (соответственно ГЛАСЪМЪ ВЕЛИЕМЪ в Саввиной книге, ГЛАСОМЪ ВЕЛИЕМЪ в Ассемановом Евангелии).

Как уже сказано, о македонском происхождении Новгородских листков свидетельствует и факт смещения ять с Я: ЛЮБЛЪШЕ, ІАВЛЪІЕТЬС [юс м.], а также употребление в сложных слогах твердого и мягкого ер после Р и Л (СКРЪБИ, МЛЪНИА и др.), что Остромирово Евангелие исправляет, согласно русскому произношению, на МЪЛНИА, так же как и слово МРЪКНЕТЬ — в Остромировом Евангелии МРЪКНЕТЬ, в то время как слова СЪМРЪТИ и СКРЪБИ повторяют формы южнославянского оригинала.

О большой древности Новгородских листков говорит и сама структура их азбуки периода формирования кириллицы в болгарской школе Симеона Великого:

1) там вообще нет буквы Щ, только ШТ, как в эпиграфических памятниках конца IX и начала X веков, в Супрасльской рукописи, возникшей в школе Симеона и еще в некоторых древнейших глаголических и кириллических рукописях, в то время как Остромирово Евангелие в основном заменяет ШТ на Щ;

2) отсутствие буквы «зело», которая в Остромировом Евангелии и в ряде других рукописей употребляется только для обозначения числа 6, в то время как в Новгородских листках она не используется даже для обозначения этого числа;

3) употребление еры только с твердым ер;

4) употребление всех йотированных букв в орфографии, но йотированное Е в середине слова используется с точкой сверху, как в Саввиной книге, в то время как Остромирово Евангелие в большинстве случаев исправляет такие буквы на йотированное Е.

Возвращаясь к проблеме палеографического анализа, следует повторить слова Каринского о том, что эти два Листка — остаток от самой роскошной из числа древнейших славянских рукописей, которая по величине немногим меньше русской Ефремовской Кормчей и сербского Мирославова Евангелия. Рукопись написана на отличном пергаменте, прекрасным уставным письмом в два столбца по 20 строк в каждом, с исключительно широкими полями, которые свидетельствуют о том, что материал не экономили. Устав Новгородских листков более правилен и красив, чем устав Остромирова Евангелия. Создатель Новгородских листков следил не только за формой букв, но прежде всего за красотой и правильностью строк. Повторяя мнение Срезневского, Фортунатова и Лаврова, Каринский подчеркивает факт сходства письма Листков с Остромировым Евангелием, особенно в отношении букв Ж, З, И, Х и Р. Он отмечает архаичную форму Ч с неглубокой чашей, что, впрочем, наблюдается и в Изборнике 1073 года, и Ъ с очень низкой мачтой, а также В с разделенными кружками. Указывая, что вопрос о болгарском или русском происхождении Новгородских листков еще не решен, он

все же склоняется к прежнему мнению о их русском происхождении, исходя из каллиграфического совершенства Листков, которого мы не находим в древнейших болгарских рукописях, и повторяя аргумент Фортунатова в отношении БОЛЪАШЕ с замечанием, что, если бы кому-нибудь удалось доказать южнославянское происхождение Листков, «это бы было уникально».

Это и случилось, думаю, прежде всего потому, что факт каллиграфичности не может быть критерием для определения языковой речени рукописи, и во-вторых, потому, что Каринскому и Лаврову еще был неизвестен богатый южнославянский эпиграфический материал IX и X веков с территории Болгарии и Македонии с рядом образцов эпиграфическо-каллиграфического устава, принятого тогда в качестве книжного письма. Эти памятники входят в один ряд с сербской Темничской надписью, Преславской Тудориной надписью, надписью Чергубиля Мостича третьей четверти X века, надписью царя Самуила 993 года и Битольской плитой царя Владислава 1017 года. Во всех этих памятниках, помимо упомянутых признаков развития правописания в X веке, находим и тип письма, аналогичный тогдашним рукописям, а на Битольской плите — каллиграфическо-вертикальный устав с формами, типичными для Новгородских листков.

В 1929 году русский славист М. Н. Сперанский в чешском журнале «Slavia» задал вопрос: «Откуда происходят древнейшие памятники русской письменности и литературы?», на который и ответил: с болгаро-македонской территории. Еще в последней трети IX века, благодаря ученикам Кирилла и Мефодия, утвердилось славянское богослужение и в первой четверти X века (под высоким покровительством Симеона Великого) достигла своего расцвета «Золотая школа» славянской письменности в Преславе, на востоке, и в Охриде, на западе. При этом Сперанский подчеркнул важнейшее значение школы Климента Охридского, поставив начало христианизации Руси в связь с одновременной организацией славянского богослужения в стране болгарского властителя Бориса-Михаила, а окончательное утверждение южнославянского влияния на Русскую Церковь в пору Крещения Руси — в связь с дипломатическими отношениями князя Владимира с Самуилом Охридским.

Когда Василий II, освободившись от узурпатора при помощи варяжского отряда, посланного князем Владимиром, попытался не выполнить свое обещание выдать свою сестру Анну за русского князя при условии его крещения, князь Владимир напал на византийский город Корсунь на берегу Черного моря и овладел им после девяти месяцев осады. После этого Владимир послал миссию к Самуилу Македонскому с предложением о союзе с просьбой об организации христианской Церкви со славянским богослужением. Это и произошло после того, как епископ Леон был послан в Россию, чтобы занять кафедру русского митрополита. Вместе с ним туда отправился и ряд миссионеров-священников и диаконов с большим количеством богослужебных книг. В русской «Летописи новгородских владык» под 991 годом читаем: «Крестися блажени Владимир... и доведе митрополита Леона Киеву, а Иоакима Корсунянина Новгороду».

В то время как в Киеве, где Православная Церковь со славянским богослужением постепенно развивалась, начиная со второй половины IX века, крещение народа не встречало сопротивления, в Новгороде

акция уничтожения языческих традиций вызывала сильное возмущение, что нашло свое отражение в словах: «Путята крести мечом, а Добрыня огнем». Но вместе с тем епископ Иоаким Корсунянин должен был вести дело религиозного просвещения народа, начиная с высших слоев общества; он приступил к этому, открыв новгородскую школу русской письменности, где южнославянские рукописи переписывались с учетом тогдашнего северорусского произношения. Сперанский в упомянутой работе анализирует два новгородских списка южнославянской Псалтири с толкованием Афанасия Александрийского: Евгениевскую Псалтирь XI века, списанную с глаголического образца, о чем свидетельствуют глаголические инициалы, и так называемую Толстовскую Псалтирь XI или начала XII века — памятники, бесспорное происхождение образцов которых из охридско-македонской книжной школы подтверждено в результате тщательного научного палеографического анализа языка и правописания. Этот анализ подтверждает также македонское происхождение Новгородских листков, которые представляют собой остаток македонского царского Евангельского кодекса конца X века, который в 991 году был послан с Иоакимом Корсунянином в Новгород и там в середине XI века послужил диакону Григорию и его помощнику как образец для создания Остромирова Евангелия.

Не останавливаясь на примерах, которыми я иллюстрировал зависимость Остромирова Евангелия от Новгородских листков, считаю своим долгом остановиться вообще на вопросе об употреблении экфонетических знаков в этих двух рукописях, которые, с одной стороны, подтверждают факт македонского происхождения Листков, а с другой стороны — их старшинство по отношению к Остромирову Евангелию. В греческих рукописях с VIII по XIII век, как видно из шести сохранившихся Евангельских кодексов в коллекции Охридского музея, экфонетическая нотация имеет 14 знаков. В этих рукописях сохранена утвердившаяся традиция для всех трех категорий знаков. Эти знаки помещали в самом тексте: телия (крест), которая имела значение точки или запятой в конце предложения, и гипокризис (три вертикально расположенные запяты), который обозначает паузу в смысле восклицательного, вопросительного знаков или кавычек, когда приводится прямая речь или ветхозаветные изречения. Другие знаки — надстрочные: оксия и кремасти — для повышения голоса на один и более тонов, вария — для снижения голоса, кривая сирматика — для передачи украшающей модуляции (си-до-си-до-ре), кендема (три точки) — для лестничного снижения голоса (ми-ре-до) и параклитики — для молитвенной интонации. Наконец, подстрочные знаки: катисти — для продолжения чтения на одном тоне и апостроф — для снижения голоса на несколько тонов.

Новгородские листки в основном применяют всю эту систему интонации славянского произношения в рамках каждого предложения текста.

Остромирово Евангелие представляет пример русского применения греческо-южнославянской экфонетической нотации в отношении апракосного Евангелия, но лишь в тех отрывках текста, которые написал диакон Григорий, в то время как его помощник вообще выпустил экфонетическую нотацию. Диакон Григорий использовал только знаки, которые имеют в тексте значение точки (телия) или показывают пря-

мую речь (гипокризис), запятую в середине текста, которая, вероятно, означала экфонетический апостроф, и очень редко оксию и варию. Это листы: 54—54V, 140—141, 176V—179V и 201—211V, которые, вероятно, написал диакон Григорий. На л. 211V заканчивается чтение на Новолетие (Лк. 4, 16—22), заимствованное из рукописи, с которой написано Евангелие со словами ИЗЪ ОУСТЬ ІЕГО с экфонетическими знаками: двойной варией над строкой и двумя апострофами под текстом.

Таким образом, Новгородские листки как македонский текст конца X века еще сохранили традицию систематического использования тогдашней греческой экфонетической нотации, в то время как диакон Григорий перенес в русское Остромирово Евангелие в середине XI века только те знаки, которые имели в тексте значение интерпункции, с редкими случаями перенесения надстрочных знаков красными чернилами по примеру македонской рукописи.
